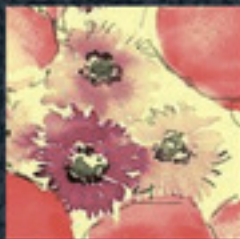
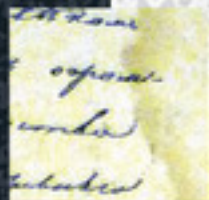

ГРАНИ
ФИЛОСОФИИ

В. А. Кутырев

Естественное
и искусственное:
борьба миров

DirectMEDIA

Грани философии

Владимир Кутырёв

**Естественное и
искусственное: борьба миров**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 111
ББК 87.21

Кутырёв В. А.

Естественное и искусственное: борьба миров / В. А. Кутырёв —
«Директ-Медиа», 2014 — (Грани философии)

Человечество все больше окружает себя искусственной средой и это самая глубокая причина переживаемого им глобального кризиса. В книге рассмотрены основные направления экспансии искусственного: становление ноосферы как постчеловеческой реальности, космизация Земли, превращение вещей в знаки и информацию. Обсуждается ее влияние на характер познания и понимания, на представление о смысле и границах творчества, общая трагедия духа в мире разума. Приведены аргументы в пользу союза философии и религии против свободы научно-технического разума. Несмотря на фундаментальный, иногда метафизический подход к вопросам, книга написана эмоционально, понятным языком и может быть интересна не только профессиональным философам.

УДК 111
ББК 87.21

© Кутырёв В. А., 2014
© Директ-Медиа, 2014

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Становление постчеловеческой цивилизации	9
Живое за пределами жизни	9
Средства превращаются в цели	13
Культура как бытие	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Александрович Кутырёв

Естественное и искусственное: борьба миров

Предисловие

У людей всегда было много тревог. Время от времени ими овладевало апокалипсическое ожидание конца света, который пошлет высшая разгневанная сила. Пошлет за грехи. Но теперь мы заговорили об угрозе гибели в результате собственной деятельности. Встал вопрос о выживании, означающий, по своей сути, что наше будущее действительно поставлено под вопрос. В подтверждение можно привести многочисленные факты, указать на очевидные симптомы. Да о них все, кто хочет знать – знают. Как, однако, определить причину того, что теперь нам приходится думать не о жизни и ее процветании, а о выживании? В чем корень глобальных, быть может, уже и роковых проблем человечества? Правильный диагноз опасности – условие правильной стратегии ее предупреждения, борьбы с ней или, по крайней мере, приспособления к ней.

Смысловым стержнем предлагаемой читателю книги является идея, что в XX веке на Земле образовалось две реальности, «два мира» – мир естественного и мир искусственного. С одной стороны сохраняется то, что может существовать без человека, растет и рождается, а с другой – приобрело невиданную значимость и собственные законы развития то, что им создано, функционирует и изобретается. Искусственное стало самостоятельным и его отношение с естественным определяет нынче содержание любой, сколько-нибудь серьезной проблемы. Если это отношение обострится до несовместимости, до полного взаимного отрицания, до того, что один из миров будет подавлен или поглощен другим, человек как таковой, как *Homo sapiens* обречен на исчезновение. Либо непосредственное, в результате биологической деградации и вымирания, либо в результате перерождения в иное состояние, возможно более «высокое», но уже нечеловеческое.

Борьба миров, которую Г. Уэллс описал в своем знаменитом романе как столкновение жителей Земли с инопланетными пришельцами, происходит сейчас среди самих землян.

Противоречие между естественным и искусственным возникло вместе с появлением человека. Он существо естественного-искусственного – преобразованная природа. Вместе с человеком оно и развивается. Палеолит, неолит, аграрные, индустриальные и постиндустриальные общества можно рассматривать как этапы изменения способов взаимодействия естественного с искусственным. Особенность нашего времени в том, что одна из сторон этого противоречия – естественное, находится в критическом положении и вот-вот рухнет под напором искусственного. Переживаемый экологический кризис вызван не просто загрязнением окружающей среды. С философской точки зрения проблема выглядит драматичнее: его причина в экспансии искусственного и вытеснении им естественных форм бытия, хотя бы последние были или будут «сверхчистыми». Антропологическая катастрофа, перед которой стоят люди, результат не просто нарастания их телесной слабости, а объективное следствие превращения собственно человеческой цивилизации в постчеловеческую (для начала – человеко-машинную). Образование ноосферы, на что многие уповают как на средство решения всех проблем, на практике предстает как образование на земле техносферы, обостряющей эти проблемы и т. д.

Выступая в разных облачениях, оппозиция между естественным и искусственным воспроизводится и в области знания. Естественное чаще всего отождествляется с природой, что в основном оправдано. Но природой, как известно, называют также «материю», «вселенную»,

«все существующее». Получается, что в нее входит и искусственное. В таком случае реальное противоречие между миром возникшим до и без человека, с миром им созданным, размывается, а слово «природа» утрачивает свой экологический смысл. Чтобы его сохранить и учесть влияние на человека техногенеза, более целесообразно использовать понятие естественного. «Контрагентом» природы в экологическом контексте чаще всего выступает общество. Обсуждают взаимодействие общества с природой, спорят о моделировании системы «природа – общество». Однако для характеристики того, что теперь воздействует на природу, понятие «общество» – перестает быть адекватным. Создаваемая человеком искусственная реальность, обретая возможность автономного функционирования, отчуждается не только от природы, но и от общества. Она выходит за пределы закономерностей его функционирования. Соответственно система «природа – общество» уже не отвечает задачам объяснения и решения возникающих глобальных проблем. В ней не улавливается специфика угрожающих человечеству опасностей.

В целом, соотнося новые познавательные потребности с наличными категориями знания, можно сказать, что если проблема взаимодействия природы и общества является объектом исследования социальной экологии, то в свете философского взгляда на это взаимодействие, оно предстает как взаимодействие естественного и искусственного. Отношение естественного и искусственного является самым фундаментальным вопросом нашего выживания, а следовательно и своего рода основным вопросом философии. Благодаря такому ракурсу анализа, тематика экологии и глобалистики вводится внутрь процессов, ее порождающих – становления ноосферы, космизации земли, творчества, изменения представлений о реальности вообще. Они же, до сих пор отделявшиеся от конкретных забот о человеке, начинают рассматриваться сквозь призму его судьбы, приобретают философско-антропологическое измерение.

Подчеркивая эвристические возможности понятий естественного и искусственного в осознании сложившейся ситуации, мы не намерены увлекаться отслеживанием перипетий в их использовании разными авторами. Гораздо интереснее обсуждать непосредственно «бытийные» проблемы. Увидеть одну проблему в облике разных определений гораздо важнее, чем обсуждать, какое из определений обладает большими достоинствами. Во многих случаях речь вообще будет идти как бы про другое, например, о соотношении деятельности и общения, познания и понимания, истины и блага, но трактовка этих феноменов все равно обусловлена решением задач сохранения естественного человека в искусственной среде.

В предисловии не принято обсуждать содержательную сторону работы. Мы следуем этому правилу, за одним исключением; здесь же и сразу укажем на опасную тенденцию подмены естественного искусственным, наметившуюся в практике применения данных категорий. Она возникает, когда единственной сущностной чертой естественного считают «объективность»: естественно то, что развивается по законам, не зависящим от человека. Но поскольку в современном супериндустриальном мире искусственное начинает развиваться по собственным законам, то есть объективно, то получается, что его можно квалифицировать в качестве естественного. Различие *субстратов* – живого и неживого, рожденного и изобретенного – исчезает. Если робот выполняет функции человека, его можно признать человеком (знаменитый «критерий Тьюринга»). Все предстает естественным, хотя на самом деле все превращается в искусственное. При полной победе данного подхода дело может кончиться тем, что естественное будет казаться чем-то искусственным, так как для технической среды его наличие не является обязательным. Оно для нее «не объективно». Искусственной и необязательной оказывается природа – растения, животные, человек. А естественными, то есть «нормальными» начнут представлять системы Искусственного интеллекта, виртуальные реальности и роботы. Провозвестников такого мировоззренческого переворота уже немало. Они критикуют «геоцентризм» в исследовании физических явлений, в том числе земных, «водно-углеродный шовинизм» в понимании жизни, «биологическую ограниченность» в трактовке разума и т. д.

Осознавая, что за подобными терминологическими сдвигами стоят реальные процессы, все, берущиеся рассуждать или следовать за чужими рассуждениями об естественном и искусственном, должны ясно видеть и учитывать эту, навязываемую обстоятельствами, смысловую аберрацию.

Дух времени выражает себя во всех направлениях, сказываясь и на характере создаваемых текстов. Плюрализация и технизация жизни ведет к тому, что наиболее распространенный способ изложения мыслей – от общего к частному или наоборот, от частного к общему начинает ограничивать возможности их эффективного развертывания. Модель «древа идей», хорошо соответствовавшая монистическому видению мира, его «открытию», поискам объективной истины и единственно верного решения, перестает коррелировать с проблемной организацией знания, его коллективно-междисциплинарным функционированием, все активнее внедряющимся в практику теоретического творчества.

По мере превращения искусственного в окружающую среду при одновременном сохранении в ней фундаментальных естественных компонентов возникает потребность в построении текстов другого типа: в виде «ризомы» или «клипа». Ризома – группа кустов, зарослей травы, стебли которых объединяются одной корневой системой, иногда переплетаясь вверху, иногда пересекаясь посередине. Каждый стебель самостоятелен, но живет только в целом. Также и клип – отдельные картинки, сюжеты сами по себе может быть далекие друг от друга, а вместе и только вместе они приобретают специфическое единство, новый общий смысл. Наше исследование кризисных проблем современной цивилизации через призму естественного и искусственного структурируется именно по такой, «ризомно-клиповой» схеме.

Забываясь о сохранении естественного в условиях агрессии искусственного, хотелось бы сохранить его представительство хотя бы – для начала – в собственных рассуждениях. Это значит, что мы намерены ориентироваться на философию духа, а не философию разума. Надо преодолевать обычное бездушие господствующего стиля познания, боязнь метафор, аналогий и сравнений, других прочувственных форм освоения окружающей действительности. Кто признаком истинно философского подхода считает голый интеллектуализм и сухой теоретизм, того уже можно признать жертвой искусственного. Он утратил способность к переживанию бытия и лишь осознает его. Это значит, что он утратил радость жизни, вспыхивающую прежде всего от встречи с явлением. Постигание образной сути мира есть самая глубокая предпосылка постижения его смысла, без которой его (смысла) нет, а есть только информация.

Для успешного общения автора с читателями целесообразно помнить, что слов существует больше (или меньше), чем терминов и категорий, терминов больше (или меньше), чем предметов. Следуя за нитью рассуждений, важно не соблазняться устаревшим или периферийным содержанием понятий. В обстановке непрерывного информационного шума, все более плотного экранирования первичной реальности и обрушивающихся на человека потоков социальной лжи, усмотрение существенного, исторически значимого в проблеме предполагает развитую способность к пониманию, которая, в отличие от чистой знательности, не определяется одним теоретическим усердием, чтением книг или даже всесторонним присутствием в культуре. Способность к пониманию, к диалогу друг с другом и миром результат непосредственной вовлеченности в повседневную жизнь, напряженного взаимодействия ума с сердцем. Она рождается в борьбе чувств и рассудка, естественного и искусственного начал нашего существа.

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил

– писал поэт Н. Заболоцкий о современной цивилизации. Ее «двумирность» и «двумерность» стали очевидными. Но отношение к ним разное: как к тому, что порождает кризис и как к тому, что спасает от него, несет благо. В столь популярной сейчас ноосферной философии, начиная с русского космизма, эта двумирность обычно трактуется как этап на пути к полной победе искусственного, которую чают и приветствуют.

«Культурный человек, – противоположен естественному человеку, сыну природы, т. е. дикому человеку, и *потребление этой дикости и есть* социальный процесс или всемирная история человечества. *Культура, образованность и есть та работа духа, которая естественную форму – природу – упраздняет*, и потому дух и есть в абсолютной идее третья к логическому и природе, есть негация природы и цель, к которой она, природа, идет в своем изменении и потому в конце этого своего поступления исходит в дух.

...Этот бестелесный человеческий дух и есть сам Разум, или разумный Бог. Боги будете, сказано в Писании»¹.

Очень четкое и определенное видение направленности развития человечества, особенно удивительное, так как было явлено перед началом XX века. Конец века только подтверждает прозорливость его автора. Однако сейчас, большая часть людей, будучи свидетелями, объектами и субъектами происходящего «упразднения» окружающей, внешней и собственной, внутренней природы, громко, в кричит о гибели человечества, экологической и антропологической катастрофе. Не хотят быть Богами? Раньше хотели, теперь не хотят? Одни согласны, другие нет? В этом стоит разобраться. Для ясности объявим заранее: мы против такого «обождения» мира и весь пафос предлагаемой читателю работы в развенчании подобной идеологии. За ней кроется процесс технизации жизни, вытеснения людей робото-компьютерными системами. Мы против прогрессивно-иллюзорных утопий и поощрения безудержного роста искусственного. Надо вести себя так, чтобы естественная и искусственная реальности *коэволюционировали*, а не перетирали нас подобно жерновам. Но для этого надо прежде всего правильно понять факторы осложнения ситуации и постоянно вырабатывать механизмы их преодоления, купирования. Если первый мир свое дело сделал, то второй продолжает расширяться. Будем надеяться, что он не уничтожит своего творца. И даже если положение безнадежно, постараемся сделать все, чтобы его изменить.

Так продлимся...

¹ Сухово-Кобылин А. В. О единстве человечества во Вселенной // Русский космизм. М., 1993. С. 63.

Глава I. Становление постчеловеческой цивилизации

Живое за пределами жизни

В конце второго тысячелетия после рождения Христова человечество приблизилось к рубежу, исторически сравнимому с возникновением неолита, а по своей будущей значимости, по-видимому, его превышающему. Неолитическая революция, как известно, была переходом от приспособительного действия человека в природе (собирательство, охота, рыболовство) к ее сознательному и целесообразному изменению – преобразованию. Обработка земли с помощью механических орудий, выведение пород животных и растений с желательными признаками представляют собой примеры направленной перделки среды обитания. В этой деятельности люди достигли громадных успехов, распространив ее в конце концов на всю планету. Сейчас на поверхности земли практически нет неиспользованных или нетронутых территорий. Вода и воздух также подвергаются обработке, являясь как предметом, так и средством труда. Однако до определенного времени дело ограничивалось преобразованием наличных форм существующей реальности, когда ее изучаемые и изменяемые свойства чувственно воспринимаются человеком, соизмеримы с его физическими силами. Предмет своего труда он видит, слышит, осязает – взаимодействует с ним как непосредственно живое, телесное существо. Он остается в рамках биосферы – мира, адекватного его организации в качестве высшего представителя бытия природы. Этот мир принято называть макромиром.

Но постепенно, в ходе формообразующей, деятельности открылись возможности более глубокого воздействия на окружающую среду. Человек начал проникать за пределы реальности, данной ему как телесному существу и воспринимаемой его органами чувств, начал получать результаты, не имея прямого контакта с вещами. Расщепив атом, он включил в диапазон своего действия так называемый микромир – реальность новых масштабов (атомную, субатомную), не совместимую с его телесными, чувственными органами. Никто из людей непосредственно микромир не ощущал, мы судим о нем только по знакам и проявлениям его силы. Если вначале он был как бы реальностью ученых, то сейчас в этой реальности заняты сотни тысяч, а может быть, миллионы людей. Его воздействие на нас стало повседневной практикой. Микромир – неотъемлемый элемент нашего окружения, и хотя в него с точки зрения чувств, как в бога, можно было бы лишь верить или не верить, столкновение с ним всегда имеет впечатляющие последствия – и положительные, и отрицательные.

Другим полюсом несоразмерности деяний человека с самим собой как земным природным существом является выход в космос, исследование планет – его активность в масштабах мегамира. Разрабатываются космические технологии, космическая биология, медицина, проводятся эксперименты по синтезу химических веществ, по сооружению в космосе сложных инженерных конструкций. Влияние мегамира на нашу жизнь (хотя как и микромир, мы воспринимаем его только опосредованно) вышло за пределы науки и стало экономически значимым. Таким образом, если еще в начале XX века люди действовали в мире соразмерном их чувственно-телесному бытию, равному их биологической нише, то теперь их мир резко увеличился. Можно сказать, что научно-техническая революция – это «революция миров».

Но и в макромире (или «мезокосме», как иногда еще говорят), то есть на самой Земле технологическая революция привела к тому, что началось освоение недр земли, где нет жизни, овладение скоростями, с какими не передвигается ни одно живое существо. Используя специальные приспособления, человек видит, слышит, обоняет во много раз дальше и сильнее, чем позволяют органы его тела (и органы других живых существ), что ведет к росту числа ситуаций, в которых как таковые они его больше не ориентируют. Это вызывает возрастание роли

рационального, мыслительного. В XX веке сфера деятельности людей превысила сферу жизни, раздвинула ее границы и стала определяться достигнутой мощью разума.

В условиях новейшего этапа научно-технического прогресса (информационного) деятельность человека выходит за пределы не только его чувств, но за пределы его мышления и воображения, Методологи говорят о контринтуитивности сверхсложных нелинейных систем, ищут «безумные идеи», «немыслимые мысли». И находят, но, как оказывается, за пределами собственно человеческой головы, во взаимодействии с системами искусственного интеллекта. Логики обсуждают вопрос: как возможны «невозможные миры». Получается, что невозможные в двузначной классической логике, они вполне возможны в многозначных, машинно-исчисляемых логических системах. Теоретическая физика в своих авангардных областях покидает трехмерное пространство и оперирует 10-11-мерным, изображая его на ЭВМ, без которых человек не может такое пространство не только изобразить, но и вообразить. Уже обсуждается вопрос: насколько мы можем доверять компьютерам (например, при машинном доказательстве математических теорем). Возникают все новые виды деятельности, где «чистое» человеческое мышление, как и чувства, нас больше не ориентируют.

Этот процесс выливается в формирование компьютерной реальности, реальности отношений, а не вещей. В ней человек присутствует только идеально, проигрывая все действия фактически без участия своего тела, даже в быту, например, наблюдая или «играя» в хоккей по телевизору. Критерием существования внешнего мира в таком случае становится популярный операторский принцип: что вижу, то имею. Что воспроизводится, то и есть. Быть – это быть в восприятии. Появилось немало людей, для которых информационно-компьютерная реальность значимее вещно-объектной, ибо большую часть времени они живут в информационном окружении и они, по крайней мере их сознание, не нуждаются в предметных прототипах (даже если не брать во внимание компьютероманов). Таковы особенности их работы, их жизненного мира.

Совершенно фантастические перспективы открываются с изобретением так называемых мнимых, виртуальных реальностей. Объединение компьютерной графики, телевидения, объемного звучания, специальных костюмов и перчаток, начиненных датчиками со средствами обратной связи – все это позволяет создавать абсолютно искусственные, синтетические среды. Телесно оставаясь в теплой комнате, человек в своем сознании и переживаниях будет, например, мчаться на лыжах по заснеженному горному склону, плыть под водой или обнимать первую красавицу мира. Чудовищное достижение! Сознание отделяется, отчуждается от тела. Субстратно тело человека будет находиться в одном мире, а его дух, психика, даже функциональные отправления – в другом. Какой мир следует считать истинным, «естественным» – собственно человеческим? Единственная надежда, что это изобретение еще не вошло в повседневность и у людей хватит воли причислить его к наиболее опасным наркотикам, а значит, запретить или ограничить применение решением сугубо профессиональных задач.

Исторически расширение «ойкумены» человека стало возможным благодаря и посредством перехода от преобразования наличной действительности (неолитический этап) к конструированию и созданию искусственной среды обитания. Именно среды, среды, а не отдельных элементов. «Постнеолитический» человек с момента рождения сталкивается с миром, в котором воплотились мысли, нервы, труд живших дотолле поколений. Вокруг него уже не метафорически, а буквально «все меньше окружающей природы, все больше окружающей среды». Указать рядом с собой на естественную, произведенную вещь становится все более затруднительным. Экстенсивное развитие, непрерывно втягивавшее в себя элементы нетронутой действительности, сменяется интенсивным, когда материалом труда выступает действительность ранее преобразованная, тот же труд, хотя и прошлый. Человек начинает встречаться «сам с собой», со своей опредмеченной деятельностью. Живое знание сталкивается с другим живым знанием, а также и с овеществленным, новая техника со старым оборудованием, навыками и

приемами. В производстве множества материалов – металла, бумаги, тканей – значительное место занимают процессы их восстановления, а внедрение замкнутой безотходной технологии делает этот способ получения продуктов ведущим. Наряду со вторичным сырьем появился и распространяется феномен вторичной информации, когда материалом обобщения одной науки являются факты, добытые в другой. Современный водитель, как субъект действия, едет не столько по дороге, сколько по ее знаковому изображению на обочинах. По дороге едет машина, он же едет «по информации». Летчик сажает самолет «по приборам», космонавт из ракеты не выглядывает вообще. И это только частные примеры. Подобных можно привести огромное количество, ведь оператор – профессия века.

Обобщая сказанное, раскрывая содержание происходящего технологического переворота с точки зрения истории цивилизаций, надо констатировать факт принципиального мировоззренческого значения: во второй половине XX века сфера деятельности людей превысила сферу их жизни, преодолела ее границы, сначала чувственные, а теперь постепенно мысленные, и трансцендирует в новое состояние, которое в определенном отношении является «постчеловеческим». Собственно (исключительно) человеческая реальность стала частью деятельностной реальности. Мир человека перестал быть равный его дому. Природное бытие людей (узкий диапазон температур, давления, состава воздуха, в котором мы можем жить) вступает в противоречие с их деятельностной реальностью и при случайном непосредственном контакте с ней (радиацией, излучением, скоростью) терпит поражение. Из средств жизни наше окружение превращается в средство труда. В современном мире все меньше мест, все меньше времени, где и когда человек действует как целостное телесно-духовное существо. Это глубинная причина проблем экологии и кризиса гуманизма: *живое за пределами жизни!* Таков первичный, базовый смысл, определяющий постчеловеческое измерение мира.

Другими словами, *человеческой цивилизации больше не существует. Она превратилась в постчеловеческую*. Многочисленные «пост» – постструктурализм, постклассическая и постнеклассическая наука, постиндустриальное общество, постистория и постхристианство, постмодерновая культура, наконец, – все это приближение и частное проявление постчеловеческих свойств окружающей нас реальности в целом, когда человек становится элементом, «фактором» чего-то им созданного и более сложного. Оно для него еще не «анти», но уже «пост». Постчеловеческая цивилизация – не цивилизация без человека буквально. Это мир созданный и создаваемый им самим, но приобретающий независимость от своего творца. Изменяясь в дальнейшем по автономным законам и становясь несоразмерным человеку как конечному живому существу, он заново ставит перед ним проблему своего понимания и освоения. Таким становится характер производимой нами «второй природы» – сложной многомерной искусственной реальности, все более и более определяющей нашу жизнь.

Поскольку деятельность современного человека по самой сути опосредована техникой, машинами, то эта цивилизация часто определяется как человеко-машинная.

Факт достаточно признанный и говорит сам за себя. Мы теперь в ней «не одни» еще до того, как появятся разумные роботы, равные отдельному индивиду. Из понятия человеко-машинного мира вытекает, что человек становится компонентом, фактором более общей целостности. Это проявляется в многочисленных частных случаях «факторности» человека, наконец, неслучайности распространения данного понятия. В языке стихийно отразился новый, постчеловеческий статус человека в мире. В газетах уже появились ликующие заголовки: «Робот исследует человека» (речь идет об анализе ДНК человека) или: «Машина – человек, счет 1:0» (речь идет об игре в шахматы).

Не касаясь трактовки индивида как субъекта и как фактора в истории вообще, нельзя не отметить Особую сложность сохранения его субъектности в рамках человеко-машинного взаимодействия. Тенденция здесь такова, что человеческое начало учитывается все меньше, о чем свидетельствует то решающее значение, которое придается во всех прогнозах интеллек-

туализации ЭВМ, передаче функций человеческого мышления искусственному интеллекту. В научно-технической литературе видно устойчивое стремление к «переквалификации» компьютеров из помощников человека в равноправных участников общения, а потом и превращения в «лиц, принимающих решения» – вместо человека. Указанная тенденция есть выражение агрессивности постчеловеческого мира и противостоять ей без предварительного признания этого феномена невозможно. Вообще, страусиный гуманизм только вредит. Ввиду убежденности большинства специалистов в возможности создания искусственного интеллекта, равного, а следовательно, в будущем превосходящего человеческий по своим функциям, надо допустить принципиальную неединственность интеллекта человека, считаться с перспективой его развития во внечеловеческий, постчеловеческий. И трезво глядя в глаза проблеме, не застилая их ни пленкой оптимистической глупости, ни слезами, поставить вопрос о месте человека в этой новой ситуации. Надо поставить вопрос о границах отношения к нему как к фактору вообще, исследовать его роль в качестве такого фактора в диалоге с машиной – и шире – в «постчеловеческой» реальности, борясь за то, чтобы она не превратилась в бесчеловеческую, чтобы мир, в котором человек «не один», не превратился в мир без человека. Обсуждаемый повседневно, поднятый на политическую высоту вопрос о нашем выживании надо понять и философски. Не все же философам плестись в хвосте событий.

Средства превращаются в цели

Основные вехи в переоценке положения человека в окружающем мире обычно связывают с именами Коперника, Дарвина, Винера. Коперник отодвинул нас из центра мира на периферию, тем самым лишив космической избранности. Дарвин показал, что в биологическом плане люди только один из многих видов, возникших в процессе органической эволюции и тем самым лишил нас несоизмеримости с остальной живой природой. Винер поставил вопрос о соотношении человека с техникой, в перспективе способной к воспроизведению его действий. И хотя первые две вехи уже оспариваются, например, сторонниками «антропного принципа» или представителями «тонких реалий», третью, техническую веху мы еще не прочувствовали. Отдать отчет в изменившейся роли современной техники только предстоит. Главное здесь то, что техника перестает быть средством деятельности человека, его «орудием». Она партнерствует с ним, а во многом решительно подчиняет. Хорошо знакомые с ситуацией, но не ставшие ее пленниками, специалисты по технике описывают дело в весьма тревожных тонах. «Благодаря развитию вычислительной техники, средств информатики, многие операционально-технические, в том числе интеллектуальные, функции стали от человека уходить. Наметились такие тенденции развития техники, когда машина перестает быть средством деятельности в СЧМ (системах человек-машина), а сам человек превращается в такое средство. Человек оказывается не в системе деятельности, а вне ее, он теряет – место и роль субъекта деятельности».²

Цели и раньше не были независимыми от средств, но современная техника их почти предопределяет. (Мы слышали споры философов техники о том, нейтральна она или нет. Считаем, что к этому надо подходить исторически: техника была относительно нейтральной, а теперь почти абсолютно – нет). Есть средства соразмерные человеку, а есть превышающие его. Мощность средств образует огромное поле притяжения целей, задавая их выбор и содержание. И чем мощнее средства, тем мощнее это поле. Технические силы требуют приложения. А став постчеловеческими, они приобретают онтологическую самостоятельность и собственную рациональность.

Тенденция к онтологизации, к появлению имманентных закономерностей и «интересов» присуща всей искусственной реальности – технике, производству и, при широком понимании, культуре в целом. Признаки этого можно обнаружить в самых различных сферах нашего бытия. Стихийная логика производства, если ее сознательно не подчинять целям человека, ведет к тому, что оно способно полностью развиваться само для себя (строительство электростанций нужно для выработки энергии, энергия нужна для производства стали, сталь нужна для строительства электростанций). И так каждый цикл с приращением. Такова логика, как теперь говорят, «индустриального эгоизма». Отдельные сферы производства также имеют свои законы роста.

Специалисты хорошо знают о феномене саморазвития транспортных сетей. Дороги легче появляются там, где они уже есть. Существуют и иные механизмы превращения средств в цели: для удовлетворения какой-то потребности проектируется завод. Необходимость поставки материалов заставляет строить к нему дорогу. Построенную дорогу, чтобы она была эффективной, рационально соединить с уже имеющейся. Образуется транспортный узел, который целесообразно использовать полнее, потому встает вопрос о желательности строительства на том же месте еще одного завода. Размер города увеличивается. Проекты его реконструкции также разрабатываются под сильным влиянием технических требований распределения транспортных потоков, диктующих их непременно замыкание (кольцевание), наличие развязок, освоение прилегающих территорий и т. д., без чего они теряют эффективность, но что очень

² Зинченко В. П. Эргономика и информатика // Вопросы философии. 1986, № 7. С. 61.

часто вступает в резкое противоречие с задачами сохранения исторической среды, тишины, чистоты и другими потребностями горожан. Главными пропагандистами тех или иных «проектов века», навязываемых обществу, обычно выступают отраслевые структуры, министерства или компании.

За многими трудностями международной жизни, безумием гонки вооружений, когда сокращение вооружений делается только для того, чтобы в их производстве выйти на новый технологический уровень, стоит «ум» частного интереса и собственная логика техники, во многом формирующая мысли и цели людей. Довольно часто необходимость прогресса обосновывается самим прогрессом, а главный аргумент в его пользу – неотвратимость: «все равно не остановишь». На тех же основаниях мы примиряемся со смертью. «Внешние» по отношению к производству цели даже не придумываются и прогресс ради прогресса становится как бы нормой. На самых высоких политических уровнях признано, что в случае милитаризации космоса человечество утратит контроль над решениями о войне и мире. Война может разразиться помимо воли людей и это будет буквальная реализация «постчеловеческой» роли техники, ее тенденции к саморазвитию. Тем не менее значительная часть спутников продолжает выполнять военные задачи, а развитые страны создают особый род войск – «космические вооруженные силы». Безуспешными были все попытки приостановки работ по геномной инженерии и биотехнологии, несмотря на то, что их весьма вероятным следствием будет окончательное расшатывание природного иммунитета людей (первым грозным признаком чего стало возникновение синдрома его дефицита). Робкие голоса о необходимости регулирования исследований в области искусственного интеллекта не слышит почти никто. Ведь без него невозможно реализовать грандиозные планы строительства технополисов, информационных городов и «интеллектуальных зданий», становящихся неотъемлемой частью «деятельности науки на благо человека».

Между тем потребности производства вовсе не тождественны потребностям людей или тождественны им предельно абстрактно, а конкретно они могут вступать в противоречие не только с экологией, но и с гуманизмом. Вряд ли, например, кто будет оспаривать экономическую рациональность 2-3-сменной работы заводского оборудования, но столь же очевидно, что ночной труд ненормален для человека, противоречит биологическим ритмам его существования. Это своего рода «загрязнение времени». Какова в таких случаях цена врачебных советов ложиться спать в один и тот же час с точностью до 10 мин. всем, кто страдает расстройством сна, а таких миллионы, и какова цена различным «научным» вычислениям циклов ума, чувств и физической силы человека! (Одно из французских революций 19 века началась с отказ булочников от выпечки хлеба по ночам. Они сочли, что ради прихоти богачей иметь на завтрак горячие булочки не стоит жертвовать естественными условиями жизни). В реальной практике интересы производственно-технического роста и интересы общества в целом, экономическая рентабельность и представления о нравственном и должном сталкиваются сплошь и рядом. В настоящее время в России мы прямые свидетели конфликта между новыми технико-экономическими задачами и традиционными духовными ценностями. Какие бы страсти вокруг этого ни кипели, довольно уверенно можно прогнозировать, что потребности в модернизации переплавят существующие формы жизни в свою пользу.

Культура как бытие

Причины сциентизма и технократизма как мировоззрения нельзя понять без выявления их онтологических корней. «Страшно все техническое... отданное закону своего развития, – писал М. М. Бахтин, обсуждая проблему отрыва культуры от живых конкретных людей, – оно может время от времени врываться в это единственное единство жизни как безответственно страшная и разрушительная сила»³. Еще раньше, до современной НТР, в метафорической форме об этом хорошо сказал В. Шкловский: «Вещи переродили человека, машины особенно. Человек умеет сейчас только их заводить, а там они идут дальше сами. Идут, идут и давят человека»⁴. С законами развития объективной реальности, будь то естественная или искусственная, не считаться нельзя. Однако человек, как показывает история, не остался рабом законов природы. Таким же образом он должен попытаться овладеть законами развития искусственной реальности. Но для начала надо признать их «бытийность», феномен возможной независимости от человека.

Серьезное осмысление всех этих проблем, философская рефлексия их причин заставляют сделать вывод, что при достижении какого-то определенного уровня сложности мира, возникшего в результате человеческой деятельности, происходит его «отпадение» от своего творца. Притом так, что он не просто уходит в прошлое, а своим автономным существованием ставит перед людьми новые актуальные задачи. Искусственный мир становился бытием, которое не просто «за» нами, оно «впереди» нас. Тенденции к самостоятельному развитию появляются и в теоретической сфере, в науке. Начинают самоорганизовываться не только предметно-технические, но и информационно-технические системы, на определенном же этапе они начинают самопрограммироваться. По мере самосовершенствования, их базой, «данными» становятся не отдельные сведения или параметры явлений как элементарная информация, а «знание», то есть информация более сложная, организованная, структурированная. Образуются банки знаний, способные взаимодействовать с программами, генерировать новое знание. Знание не только обезличивается, но и обесчеловечивается. Существующий массив информации оказывается структурой, порождающей другую информацию. Создается информационно-компьютерная наука, которая, опредмечиваясь, становится одним из основных факторов «отпадения» от человека созданного им мира, его превращения в противостоящую ему реальность. Оказывается, что эффект познания «определяется и не только творческими способностями, но и системами правил, в первую очередь таких, которые способны генерировать новые правила. Само теоретическое знание как система гипотез, законов и допущений может быть понято как матрица или система матриц, продуцирующих различные правила интеллектуальной и предметно-практической деятельности».⁵ Хорошо бы это опровергнуть, но лучше, как ни обидно для нас, людей, привыкших считать себя единственными субъектами творчества, это признать, не прятаться от фактов и озаботиться таким положением, поставить проблему соотношения творческих способностей субъекта и саморазвития науки. Важно признать главное: на каком-то этапе сложности развитие и функционирование создаваемых систем неизбежно выходит, за первоначально поставленные при их создании задачи. Человеческое общество в целом достигло этого этапа. В условиях сложного нелинейного взаимодействия рациональные по от дельности решения способны превращаться в иррациональные, не зависящие от человека.

³ Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1987. С. 87.

⁴ Шкловский В. Б. Зоо или письма не о любви // Избр. соч. т. 1. С. 187.

⁵ Ракитов А. И. Философия компьютерной революции М., 1991. С. 164.

Иногда создается впечатление, что современную науку делает великий «Никто». Невольно вспоминается печальная шутка Ст. Ежи Леца: наука и техника так совершенствуются, что человек скоро сможет обойтись без самого себя. К сожалению, охотников переживать драматизм ситуации человека в постчеловеческом мире немного. Диалектике легче приряться, чем следовать. Предпочитают либо предаваться утешительной иллюзии, что человек всегда будет оставаться субъектом сотворенного им мира, не замечая здесь ничего нового, либо с энтузиазмом развенчивают эту субъективность, полностью отождествляя человека с «фактором», лишая его гуманистической перспективы, а в конце концов и места в возникающем новом, прекрасном компьютеризованном мире.

Тенденция к субстанциализации науки и техники отражается в методологических спорах, в частности, сторонников методологического индивидуализма и методологического коллективизма. Превалирует вторая ориентация, установка на то, что в познании надо исходить из целого, а не из элементов, из общего, а не из индивида (так называемый социоцентризм), начинать с идеи (гипотезы), а не с факта. Сначала это считалось приемом «гносеологического оборачивания», теперь же как бы онтологизировалось, вследствие чего можно с уверенностью говорить о кризисе эмпиризма, редукционизма с одной стороны, и приоритете системности, теоретизма – с другой. Нужно, как известно, стремиться к удержанию, опосредованию разных сторон противоречия, но для этого важно видеть их действительное соотношение с той или иной конкретной ситуацией.

В этом отношении нас ждет еще немало сюрпризов. Кто, хотя бы 20 лет назад мог подумать, что в «век науки», в условиях ее полного господства, над нами будут прокатываться волны мифов и суеверий, что толпы людей начнут осаждать колдунов, ясновидцев, гадалок, взвешивать души, изгонять дьявола и т. д. Правда, истины ради надо сказать, что уже в прошлом веке кое-кто об этом думал: «Наука дает тому, кто трудится и ищет в ней, много удовольствия, тому же, кто узнает ее выводы, – очень мало. Но так как постепенно все важнейшие истины должны стать обыденными и общеупотребительными, то прекращается и это малое удовольствие; так при изучении столь изумительной таблицы умножения мы уже давно перестали радоваться.

Можно почти с достоверностью предсказать дальнейший ход человеческого развития: чем меньше удовольствия будет доставлять интерес к истине, тем более он будет падать; иллюзия, заблуждение, фантастика шаг за шагом завоюют свою прежнюю почву, ибо они связаны с удовольствием; ближайшим последствием этого явится крушение наук, обратное погружение в варварство. Опять человечество должно будет сызнова начать ткать свою ткань, после того как оно, подобно Пенелопе, ночью распустило ее».⁶

Обобщением этих новых явлений можно считать признание нашим философским сообществом, до тех пор «традиционно материалистическим», бытийности культуры в целом. В 80-е, начале 90-х годов рухнул один из краеугольных камней исторического материализма. Из «отражения бытия», из «надстройки общества» не только наука, но и любое знание, остальные формы культуры начали рассматриваться как саморазвивающиеся, а значит, «реальные». Не обходится и без крайностей, когда вся философия трактуется как философия культуры или вовсе вытесняется культурологией. Один из первых на бытийный характер культуры обратил внимание В. П. Визгин. «Знание о мире – это тоже своего рода мир. Что же узнал человек в своем познании? Он узнал, что из мира исхода нет. Все созданные им продукты, знание и культура оказались тоже мирами. Осваивая и преодолевая мир в культуре и познании, человек не выходит из него. Непредсказуемость, спонтанность, вязкость и непрозрачность бытия не исчезли. Они как бы из первого, физического мира перекечевали в ментальный мир (открытие подсознания) и в мир самого объективного знания. Человек по-прежнему окружен миром,

⁶ Ницше Ф. Соч. В 2-х томах. Т. 1. М., 1990. С. 373–374.

более того, он сам несет его в себе. В принципе любое творение человека, выводящее на контакт с бытием, ведет себя как мир, т. е. как автономное образование, наделенное, бесконечностью значений, открытое для дальнейшего явления и бросающее своей „неисчерпаемостью“ вызов человеку как своему творцу...»⁷

Как всякая подлинно мировоззренческая идея, при знании собственной бытийности культуры и, следовательно, наличия у нее постчеловеческого измерения ценно тем, что, расширяя горизонт наших представлений о мире, освещает, выводит из тупика многие частные проблемы. Теперь, например, гораздо плодотворнее обсуждать, каким образом, почему и в каком смысле культура, особенно в ее научно-технической ипостаси может нести человеку как добро, так и зло, не удовлетворяясь тезисом, что все дело в применении, в технологии. Этот тезис давно уже работал со сбоями, ибо не давал объяснения, почему проблемы, вызванные научно-техническим прогрессом, носят глобальный, не зависящий от социального устройства, характер. Нельзя сказать, что человек когда-либо полностью властвовал над обстоятельствами. Но его могущество в овладении природной стихией постоянно росло и одновременно крепло убеждение, что на смену царству необходимости придет царство свободы. Сейчас обнаружился внутренний кризис могущества человека, обостривший проблемы экологии, гуманизма, общим знаменателем которых является становление постчеловеческой цивилизации. Оказывается, что «вторая природа» развивается по законам, с которыми надо считаться как с объективными, а стихийность может носить сознательный, например, «управленческий» характер, вследствие чего нерациональное, неразумное способно выступать в разумной форме.

⁷ Визгин В. П. Культура – знание – наука // Наука и культура. М, 19 в 4. С. 62.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.